

59 ДНЕЙ

ЧУДЕСНОЕ ПОДВОДНОЕ РУЖЬЕ

И вдруг — ни с того ни с сего. На прилавке среди исцарапанных тарелок, старых дивиди и взъерошенных Барби. Подводное ружье. Темное дерево, лак. С таким охотятся на китов и рыб. Оно было похоже на винтовку с длинным стволом, откуда выглядывало блестящее стальное острие гарпуна. Снизу к рукоятке было приделано такое как бы колесико с леской, которая тянулась к гарпуну, чтобы, когда попадешь в цель, вытаскивать добычу из воды.

Я-то думал, что поход на блошинный рынок будет пустой тратой времени. А оказалось — совсем наоборот!

— Сколько оно стоит? — спросил я.

Мужчина за прилавком поднял голову. На нем была синяя спецовка. Он протирал очки грязным носовым платком, и, когда надел их на нос, глаза стали совсем маленькие, как голубые пуговицы от рубашки.

— Что? — уточнил он. — Ружье?

— Да.

Мужчина немного подумал.

— Пятьсот.

Пятьсот. Дорого... Конечно, у меня было пятьсот крон. Но не с собой. Я смотрел на ружье.

Стрела сверкала на солнце. Я понял, что у меня нет выбора: я обязан купить его. Это было не просто самое красивое подводное ружье, которое я когда-либо видел (окей, других я не видел), но оно к тому же идеально подходило для моего нового изобретения.

— Darling¹! Вот ты где околачиваешься!

Не успел я ответить, как на мое плечо тяжело опустилась чья-то рука. Забряцали браслеты. Бабушка.

— Нашел что-нибудь?

Я кивнул, указав на ружье.

— Прелестно! А я только что приобрела вот этот шедевр!

Я с трудом оторвал взгляд от ружья и повернулся к бабушке.

К ее тележке была привязана картина. Огромная, не меньше нашего обеденного стола. На картине — во всяком случае, так мне показалось — лисица в снежном пейзаже. Художник вряд ли был такой уж суперпрофессионал. Лиса у него получилась какая-то перекошенная. Одна передняя лапа — как толстая ножка стула, хвост — беличий, и, хотя лиса стояла в профиль, было видно оба ее глаза. Она залезла в сугроб и пила воду из озера странного розоватого оттенка.

— Ой!

— Скажи?! — восторженно воскликнула бабушка.

— Это в самом деле...

¹ Дорогой (англ.). — Здесь и далее прим. пер.

Я поискал подходящее слово.

— ...уникально.

— Это Бруно Лильефорс²! — сообщила бабушка.

Мужик в спецовке фыркнул.

— Если это Бруно Лильефорс, то я — Килиан Мбаппе³.

— Дорогой мой. Полагаю, я знаю об искусстве все-таки побольше, чем вы. Это — Бруно Лильефорс.

— А я — Мбаппе, — повторил мужик. — Дать автограф?

Бабушка его проигнорировала, радостно кивнула на картину и продолжила:

— Видишь ли, Сигге, Бруно Лильефорс — один из самых известных шведских анималистов и пейзажистов.

— Ого, — сказал я.

— Эта лиса как будто проглотила гранату, и ее разорвало изнутри, — заметил мужик.

— Это ранний Лильефорс, — спокойно возразила бабушка. — Он написал ее в шестнадцать лет, так мне сказали. Он тогда еще не вполне овладел ремеслом.

Мужчина в спецовке обошел вокруг стола и присел на корточки возле картины.

— Тут написано «Руне Лильефорс».

² Бруно Андреас Лильефорс (1860–1939) — шведский художник.

³ Килиан Мбаппе Лоттен (р. 1998) — французский футболист, чемпион мира 2018 года.

— Вы что, ослепли? Не видите, что ли, «Б»? — спросила бабушка.

— Никакое это не «Б», это клякса! Дохлая муха прилипла или еще что.

— Это «Б»!

— Может, и «Б», но тогда чувака по-любому зовут Бруне Лильефорс.

— Господи, ну мало ли, ошибся человек! — раздраженно ответила бабушка.

— В своем имени?

— Уважаемый, — сказала бабушка, — да будет вам известно, такое случается с лучшими из нас. Однажды я написала «Шарлотт» с тремя «т».

Взглянув на меня, она улыбнулась.

— Как бы то ни было, эта картина отлично закрывает дырку в стене! В комнате с пинболом. В твоей то есть!

— Супер, — согласился я.

Я протянул руку, осторожно прикоснулся к ружью. Дреvesина под пальцами была нежная и гладкая.

— Ты не одолжишь мне пятьсот крон? — спросил я бабушку. — Я отдам сразу, как только вернемся домой.

— Пятьсот крон! Ну и цену заломил! Торгаш! Живоглот! Больше трехсот не дам, пусть не надеется.

— Я тут вообще-то стою, — сказал мужик. — Я все слышал.

Я не был до конца уверен, что означает слово «живоглот», но, разумеется, догадался, что это что-то не очень хорошее.

— Скажите на милость, — сказала бабушка продавцу, глядя в его голубые пуговичные глазки. — Это ружье волшебное?

— Э-э... нет.

— К нему прилагается мотоцикл?

Мужчина вопросительно поднял брови.

— А может, оно принадлежало Иисусу Христу? Нет? Ну и всё. Триста крон, — сказала бабушка и начала копаться в своей золотистой сумочке.

Она достала кошелек и швырнула на заваленный прилавок три стокроновые бумажки. Триста крон, которые тут же упорхнули, подхваченные ветром.

— Oh dear¹! — закричала бабушка, а я побежал догонять купюры, полетевшие, конечно же, в три разные стороны.

Я был немало поражен собственными способностями, когда мне удалось поймать одну из бумажек на лету. Думаю, я никогда не подпрыгивал так высоко! Я вспомнил, как всего месяц назад в моей старой школе проходили соревнования по легкой атлетике. И как я, выполняя прыжок в высоту, сшиб планку, хотя она стояла всего на семидесяти. Наш физрук вздохнул тогда и сказал: «Что же мне с тобой делать, Сигге? Хватит думать! Ты просто прыгай, и все. Как мне заставить тебя думать не головой, а ногами?»

Теперь-то я знал ответ! Деньги! Если бы он стоял с другой стороны того потного мата

¹ О боже (англ.).

и помахивал мне сотней, я бы взял метр двадцать как нечего делать.

Кстати, «не думать» — один из самых отстойных советов, которые мне доводилось слышать в моей жизни. Я пробовал «не думать» и скажу вам, что это вообще невозможно.

Вторая бумажка застряла в колючем кусте, и достать ее было нетрудно, третью же унесло с концами.

— Так. Я передумала. Двести, — сказала бабушка, когда этот легкий денежный кавардак поулегся.

— Четыреста, и точка, — отрезал продавец.

— Даю двести.

— Триста пятьдесят.

— Двести.

— Триста.

— Идет, — согласилась бабушка и, взяв ружье со стола, протянула мне.

Я удивился, какое оно тяжелое, и от наполнившего меня счастья даже прослезился.

— Только ту последнюю соточку вам придется поискать самому. Она где-то там, — добавила бабушка и унизанной кольцами рукой помахала куда-то в сторону горизонта.

58 ДНЕЙ

КОГДА ЗАМЕРЗНЕТ АД!

— Нам надо подстричь тебе челку, — сказала мама.

— Не надо.

— На всех твоих фотках, которые я сделала на праздник летнего солнцестояния, волосы закрывают лицо! Вообще же не видно, как ты выглядишь!

— А ты что, не знаешь, как я выгляжу?

Я сидел на полу, запустив руки в мягкую шерсть Эйнштейна. Я чесал его за ушами и смотрел, как он щурится от удовольствия, запрокидывает голову и тянет свой огромный черный нос кверху, как будто он волк и вот-вот завоет.

— Я не вижу твоих глаз! — не отставала мама.

Чисто технически она была права. Ей следовало сказать: «твоего глаза». Потому что второй мой глаз было видно очень даже хорошо. Челка свисала наискосок и закрывала только один глаз.

Мама вытерла руки о фартук и заговорила более вкрадчиво.

— У тебя такие красивые глаза.

— М-м-м.

— Почему ты их прячешь?

— То есть, если бы у меня были некрасивые глаза, ты бы от меня отстала?

Неожиданно дверь в кухню распахнулась и вошла бабушка — в серебристом комбинезоне, с сигаретой на губе и чучелом ласки под мышкой. Она огляделась, будто что-то искала, и поставила чучело на разделочный стол возле мойки.

— Умоляю тебя, Шарлотт, — сказала мама с отвращением на лице. — Неужели обязательно ставить сюда это чесоточное животное, когда я готовлю? — *Patience, darling!*¹ Я только возьму нитки с иглой. Ты их случайно не видела?

Бабушка кинула окурок в раковину и открыла кухонный шкафчик.

— Нет, — сказала мама, — и здесь их быть никак не может.

— У Павлова немного разошелся шов на голове. Мне нужна нитка потолще или, может, какая-то проволока? Те нитки, которые ты купила в «Нет-то», не оправдали моих ожиданий.

Бабушка сложилась пополам, как перочинный ножик, открыла ящик и начала в нем копать. Мне кажется, она не умеет сидеть на корточках. Во всяком случае я этого никогда не видел.

— Ну извините, — обиженно ответила мама.

— Это была не критика, *darling*, а просто информация для размышления.

Я подошел к ласке Павлову и осторожно прикоснулся к его голове, из которой торчала мохнатая серо-белая набивка. Как будто его мозг был

¹ Терпение, дорогая (*англ.*).

сделан из пуха. Продолжая резать лук быстрыми нервными движениями, мама сказала:

— В общем, я записала тебя в парикмахерскую на завтра.

— Можешь отменить запись, потому что я стричься не собираюсь.

Эйнштейн упрямо тыкался мокрым носом мне в руку. Намекая, чтобы я чесал дальше.

— А зачем ему стричься? — спросила бабушка.

— Затем, что иначе не видно его лица.

— Думаешь, кто-то хочет видеть его лицо?

Бабушка улыбнулась и ущипнула меня за щеку.

— Это шутка, *darling*, такой умный мальчик должен это понимать. Твое лицо неподражимо прекрасно. Его надо печатать на почтовых марках.

— Ты записан на завтра на два часа, Сигге. В центре. Мама, пожалуйста, ты не могла бы сходить с ним? У меня в это время собеседование.

— «Шарлотт» — я же просила.

— Шарлотт, пожалуйста, — повторила мама довольно напряженным тоном. — Можешь сходить с ним?

Бабушка просила не называть ее ни мамой, ни бабушкой. Она говорила, что не хочет, чтобы ее «недооценивали как человека». Она придумала это за несколько месяцев до того, как мы к ней переехали, поэтому пока еще никто толком не успел привыкнуть. Я точно не понимал, что имеется в виду, но ей казалось,

что в словах «мама» и «бабушка» содержится какой-то такой смысл, который она никак не может применить к себе. Якобы подразумевается, что от нее ждут заботы, а она этого не хочет. То есть не ухаживать за нами не хочет. Хочет — иногда. Но не хочет, чтобы это воспринималось как данность.

Ее имя произносится на английский манер. Ша-а-арлотт. Бабушка — наполовину англичанка, на четверть немка и на четверть норвежка. И больная на всю голову, обычно добавляет мама. Хотя бабушка говорит, что метисы умнее, чем чистые породы. В таком случае для меня это неплохо. Я — наполовину австралиец, на четверть швед, на одну восьмую англичанин, на одну шестнадцатую немец и еще на одну шестнадцатую норвежец. Хотя, если честно, больше всего я чувствую себя шведом.

— Он может и сам сходить к парикмахеру, ему двенадцать лет, — сказала бабушка.

— Я знаю, что он может сходить сам, но проблема в том, что он не пойдет сам, потому что не хочет стричься.

— Но тогда, Ханна, я совершенно не понимаю, зачем было записывать его в парикмахерскую.

— Затем, что он совсем не тренирует свой слабый глаз!

— Oh dear. Столько эмоций из-за каких-то волос.

Вдруг зазвонил телефон. Старая красная бандура на стене с длинным проводом-пружинкой.

— Saved by the bell¹, — подмигнув мне, сказала бабушка и сменила свой обычный голос на профессиональный: — The Royal Grand Golden Hotel Skärblacka. Charlotte speaking²!

Какое-то время бабушка молча кивала и слушала. — Нет, к сожалению. Мне правда очень жаль, но сейчас в гостинице свободных мест нет. До конца лета. Да, все номера заняты. Да. Надеюсь, вы сможете что-то найти. Спасибо, что позвонили в The Royal Grand Golden Hotel в Шерблакке! Bye-bye³!

И повесила трубку на рычаг.

Мама скептически сморщила лоб.

— The Royal Grand Golden Hotel Skärblacka? Это что, правда так называется?

— Да-да. Я сменила название. Гостиница «Шерблакка» — скука смертная.

— Да, но The Royal Grand Golden Hotel... — сказала мама. — Не слишком ли это шикарно звучит? Немного вводит в заблуждение, нет?

1 Английская идиома *saved by the bell* переводится как «чудом спасшийся». Буквально это выражение значит «спасенный звонком» и берет свое начало из бокса, где участника поединка, дотянувшего до конца раунда, «спасал» гонг. Сегодня оно имеет и другое значение. Под «звонком» имеется в виду вовремя прозвеневший звонок с урока (есть даже американский подростковый сериал, который так и называется: *Saved by the Bell* — «Спасенные звонком»).

2 Королевский золотой гранд-отель «Шерблакка». Говорит Шарлотт (англ.).

3 До свидания (англ.).

— Я так не считаю. В Шерблакке это действительно самый большой отель.

— И единственный!

— Именно! — довольно согласилась бабушка. — А значит, самый большой и шикарный.

Мама закатила глаза. Она соскребла лук с доски на сковородку. Лук сразу зашипел.

— Кстати, — сказала бабушка. — Я могу подстричь его, если это так важно. Прибереги свои денежки.

— А что, отличная мысль, — ответила мама, которая всегда очень оживлялась, когда можно было на чем-нибудь сэкономить. — Но, думаешь, у тебя получится?

— Oh да. Все-таки я каждое лето стригу Эйнштейна. Это дело нехитрое. Надеюсь, ты-то уж сможешь посидеть спокойно, правда, Сигге? А я тебя собачьими кусняшками угощу.

— Сигге? Пожалуйста! — Мама умоляюще посмотрела на меня.

— When hell freezes over, — ответил я, потому что однажды слышал эту фразу в кино. Это значит «когда замерзнет ад». То есть никогда.

Мой зомби-глаз

Да. У меня есть слабый глаз. Он косит. То есть он всегда как будто смотрит на мой нос, даже если я этого не хочу. Когда я был маленький, я носил специальную нашлапку. Ее наклеивали на сильный глаз, чтобы слабый тренировался. Иначе,

видимо, сильный мог взять верх, и тогда бы мозг совсем отключил слабый и я бы стал одноглазым. Вернее, глаза по-прежнему было бы два, только один — бесполезный и почти слепой.

Я ненавидел походы к офтальмологу и ненавидел эту нашлапку, и каждый раз, когда врач ее менял, мне казалось, что он хочет вырвать мне всю бровь.

Нашлепка была телесно-бежевая. Как пластырь. Это полный бред. Отчасти потому, что я же не телесно-бежевый. Плюс так все равно не бывает. Типа: тадам! А у меня нет глаза! Что, непохоже?

Однажды в выходные, когда с нами сидела бабушка, я попросил ее нарисовать там глаз. Я надеялся, что тогда нашлапка не будет так сильно привлекать к себе внимание. Бабушка отнеслась к моей просьбе всерьез. Она достала крошечные баночки с дедушкиными красками, которыми он рисовал детали на мини-домиках и человечках из его любимой железной дороги, хранившейся в подвале.

Бабушка, надо сказать, позволила себе большие художественные вольности. Она нарисовала мне зомби-глаз. Круглый, как пинг-понговый мячик, который вот-вот вывалится из глазницы, если вы понимаете, о чем я. Казалось, он держится на одной тоненькой жилке. Зрачок она сделала такого же цвета, как мои настоящие зрачки — темно-зеленые с золотисто-коричневым ободком. Зато

вокруг зрачка нарисовала красные сосуды, как будто глаз воспалился. Мне понравилось, хотя вышло не совсем так, как я думал. А помню я все так хорошо потому, что в следующий понедельник наш подготовительный класс фотографировали. Мама осталась не очень довольна съемками. А бабушка — совсем наоборот. Она накупила кучу фотографий, да еще несколько наклеек и магнитов на холодильник, которые раздала родственникам и друзьям на Рождество. Мегаподарок года, как она говорила. Такой магнитик висел на холодильнике в нашей старой квартире в Стокгольме. Здесь, в Шерблакке, у бабушки висели три магнита на холодильнике и одна фотография в рамке в гостиной. Она считает, что это мой лучший портрет.

Больше, чем глазную нашлепку, я ненавижу только мой глаз, который до сих пор косит. В очках — не косит. Ну, или косит, но совсем немножко. Проблема с моими очками в том, что они жутко уродские. Оправа из бежевой пластмассы, а линзы — толщиной с бутылочные донышки и сильно увеличивают глаза. Я в них похож на миньона. Простите. Я шучу, я всегда шучу, когда говорю о своем косоглазии, но на самом деле мне хочется плакать. Потому что хотите знать секрет? Я мечтаю работать на телевидении. Например, вести «Больницу для зверей». А еще лучше — какую-нибудь передачу про изобретения. Может быть, такую, где дети придумывают смешные

машины или мобильные приложения, а потом сами создают их. Но вы хоть раз видели косоглазого телеведущего? Нет. Не видели. Потому что таких, наверно, не берут на телевидение. Им приходится работать на радио или на каком-нибудь дебильном складе, где их никто никогда не увидит. Поэтому я отрастил челку, чтобы скрыть глаз. И я скорее воткну себе в ногу топор, чем соглашусь ее отстричь.

57 ДНЕЙ

ОГУЙЧИК И КОНФЕТЫ

Бабушка взяла тележку у входа в «Ику» и посадила Бубу. Бубу никогда не сидит в сидении для детей — а всегда только там, куда кладут продукты. Бабушка разбежалась, повисла на ручке и оторвала ноги от земли. И они вкатились в супермаркет. Бубу громко хохотала. Я шел чуть позади. Все это было слегка неловко, хотя, с другой стороны, я здесь никого не знал. Пока что, во всяком случае. Бабушка знала. По крайней мере, здоровалась со всеми, кто проходил мимо. Кто-то тоже здоровался, остальные просто пялились. Я видел, как люди шепчутся. Но бабушке такое по барабану.

— Это неважно, когда люди о тебе говорят. Намного хуже, когда они о тебе не говорят, — однажды сказала бабушка.

Тот, кто хоть раз видел бабушку, никогда ее не забудет. Она выглядит не совсем обычно для шестидесятипятилетней тетушки. В тот день на ней были черные кожаные брюки в обтяжку, зеленые туфли на шпильках и бомбер с серебряными пайетками. Длинные седые волосы, как минимум пять гремящих золотых цепей и красная помада. — Так, — сказала бабушка, вновь встав ногами на землю. — Что нам нужно?

Бубу указала на клубнику.

— Клубника. Да, клубника нам очень нужна, — сказала бабушка.

Бубу указала на темно-зеленый арбуз размером с надувной пляжный мяч.

— Арбуз тоже нужен, — сказала бабушка и положила арбуз в тележку. Арбуз тяжело бумкнулся между ботинок Бубу.

Я обожал ходить в магазин с бабушкой. Мы все обожали, Майкен и Бубу тоже. И всегда ходили вместе с ней. Майкен, которая легко могла бы выиграть конкурс «Самая необузданная девочка в Швеции», уже убежала вперед. Скорее всего, сейчас она стояла у стойки с развесными сладостями и пожирала то, что выпало на пол. Она так частенько делала. «ВСЕ РАВНО ИХ ВЫКИНУТ!» — говорила она. Мама бесилась, а бабушке было все равно.

Одна из причин, по которой мы обожаем ходить в магазин с бабушкой, — это то, что она никогда не составляет списков продуктов. Она просто покупает, что ей хочется. Мама всегда пишет очень подробные списки. В скобках указывает продукты, без которых можно обойтись, если получается слишком дорого. Ее невозможно уговорить купить что-то, чего нет в списке. Особенно сейчас, когда она осталась без работы. Бабушку можно даже не спрашивать. Просто кладешь, что хочешь, в тележку. И если это не что-то такое, в чем содержится

слишком много непонятных добавок вроде E-314, она это покупает.

Я, конечно, и раньше бывал в этом магазине, но только когда мы приезжали к бабушке в гости. Теперь мы собирались тут жить, и все покупки нам предстояло делать именно здесь. У меня слюнки потекли, когда я представил, сколько всяких вкусностей мы сможем отведать.

Я добавил это в свой список, где перечислял преимущества переезда.

1. Своя комната.

2. Можно покупать какую хочешь еду.

Но самый важный пункт был вот какой:

3. Новый старт.

Переезд в Шерблакку означал для меня перезагрузку. Возможность стать новым человеком. Мой план был стать популярным. Безмерно популярным. Я хотел, чтобы люди кричали и падали в обморок, когда я прохожу мимо, хотел раздавать автографы, хотел, чтобы люди со мной фоткались и, смущенно хихикая, убегали. Я хотел стать как Канье Уэст или Бейонсе. Окей, это, пожалуй, чересчур оптимистично. Если же оценивать вещи более реально, то я хотел, чтобы люди не смотрели на меня как на фрика. Я хотел, чтобы они слушали, когда я говорю, и подсаживались ко мне в школьной столовке.

В Стокгольме было не совсем так. Один друг у меня вообще-то был, Вальтер, но слушал он меня вполуха. Иногда мы вместе возвращались из

школы. Посылали друг другу эсмэски. Встречались разок в выходные. Но, если честно, думаю, он дружил со мной потому, что больше ему дружить было не с кем, а не потому, что считал меня таким уж потрясающим чуваком. Мама любила повторять, что я «уникальный», «ни на кого не похожий» и «особенный». Хотя это то же самое, что «странный», только звучит добрее.

У меня было ровно шестьдесят дней, чтобы стать новым человеком. Точнее, пятьдесят семь. Потом летние каникулы кончатся, и я пойду в новую школу. Моссторпскую школу. Конечно, не просто изменить свою жизнь за пятьдесят семь дней, но ведь ничего невозможного тут нет. Если человек слетал на Луну, значит, и стать популярным можно? Или как?

Мы не успели даже пройти до конца овощной отдел, а Бубу уже утопала в арбузах, пучках салата, кукурузных початках и коробочках с клубникой, которые бабушка навалила в тележку.

— Огуйчик! — закричала Бубу, возбужденно тыкая пальцем на гору огурцов.

Бубу обожает огурцы, и это одно из немногих слов, которые она умеет говорить. Наверно, если в декабре тебе исполнится четыре, это не так уж и круто, но мы радуемся всякий раз, когда она вообще раскрывает рот. Бубу обожает огурцы больше всего на свете. Или нет, больше всего на свете она обожает, конечно, маму, Майкен и меня. Но потом, думаю, идут огурцы. Иногда

мне даже кажется, что она любит огурцы больше, чем своего папу.

У Бубу и Майкен другой папа, чем у меня. Сведрик. Это его так зовут, ага. Все обычно такие: че ты сказал? Фредрик? Нет, Сведрик! И хотя в жизни Майкен и Бубу он присутствовал гораздо больше, чем мой папа в моей (поскольку я своего видел ровно ноль раз), премия «Отец года» Сведрику явно не светит. Он добрый, веселый, и с ним очень классно обниматься, как с большим мягким медведем. Но в нем как бы совсем нет драйва. Он считал, например, что устроиться на работу — это очень сложно. И мыть посуду тоже. И убирать дом. И готовить. И ходить в магазин, и менять Бубу памперс, и даже вставать с дивана, чтобы забрать Майкен из школы или Бубу из детского сада. В конце концов мама не выдержала. Потому что ей приходилось делать как бы все. Она сказала, что чувствует себя мамой четырех детей, только один из них с бородой и пьет пиво. В общем, она решила с ним расстаться. Что было хорошо, по-моему. Только вот квартира принадлежала Сведрику, а на свою у мамы денег не было. Если ты работаешь санитаркой в больнице и одна содержишь троих детей, огромную собаку с одним яичком, двух абиссинских морских свинок Тарзана и Фрассе и черепаху, банк, видимо, не слишком стремится давать тебе деньги в кредит. «Даже если ты всю свою жизнь вовремя платила по счетам!» — огорченно кричала мама.

Так что теперь мы переехали. В бабушкин большой деревянный дом желтого цвета в дыре под названием Шерблакка, которая находится недалеко от Норрчёпинга, где все говорят... ну... как бы это сказать. Немного странно. Диалект называется эстгётский. Не знаю, как его изобразить, но, например, когда бабушка хочет сказать «молоко», она говорит «мооорлоко». Эстгётский диалект — пожалуй, единственный недостаток жизни в Шерблакке. Это — и еще что у них тут огромная фабрика по производству бумаги, из-за чего во всей деревне иногда пахнет какашками.

Когда мы подошли к стойке с развесными сладостями, Майкен действительно была там. Но конфеты она не ела. Зато мы увидели, как она сыпет что-то из маленькой коробочки прямо в один из прозрачных контейнеров.

— Что ты делаешь? — спросил я.

Майкен обернулась. Ее конопатое лицо светилось от счастья. Она попыталась ответить шепотом, но она как бы в принципе этого не умеет. Ее голос не создан для шепота.

— Я ШАЛЮ!

— О, — заинтересовалась бабушка, — и что же это за шалость?

Майкен захихикала и показала нам коробочку, на которой было написано: «Бобы Берти Боттс на любой вкус».

— Майкен! — возмутился я.

— Я ПОДСЫПАЛА ИХ В КОНТЕЙНЕР С ДРАЖЕ!

— А что это такое? — спросила бабушка и потянулась к коробочке, которую показала нам Майкен.
— ЭТО ИЗ «ГАРРИ ПОТТЕРА», ТАМ ЕСТЬ ВСЕ ВКУСЫ, КОТОРЫЕ ТОЛЬКО БЫВАЮТ В МИРЕ! ЗЕЛЕННЫЕ БЫВАЮТ СО ВКУСОМ СОПЛЕЙ ИЛИ ЯБЛОКА — СМОТЯ ЧТО ПОПАДЕТСЯ. НО ЗАРАНЕЕ УЗНАТЬ НЕЛЬЗЯ! ОНИ ВЫГЛЯДЯТ ВСЕ ОДИНАКОВО. ЕСТЬ СО ВКУСОМ ДОЖДЕВЫХ ЧЕРВЕЙ, УШНОЙ СЕРЫ ИЛИ БЛЕВОТИНЫ. НО ИНОГДА, ЕСЛИ ПОВЕЗЕТ, МОЖЕТ ПОПАСТЬСЯ ЛИМОННАЯ! МНЕ ОДНА ПОДРУЖКА В СТОКГОЛЬМЕ ПОДАРИЛА. ОНА ИХ КУПИЛА В МУЗЕЕ ГАРРИ ПОТТЕРА В ЛОНДОНЕ!

— Oh dear. Ушная сера и блевотина — звучит не слишком аппетитно, — сказала бабушка и вернула коробочку Майкен.

— ВОТ ИМЕННО! ПОЭТОМУ Я ВЫСЫПАЛА ИХ СЮДА!

— Могла бы отдать мне, — сказал я. — Я обожаю драже. Противные же можно просто выплюнуть?

— МОИ БОБЫ, ЧТО ХОЧУ, ТО И ДЕЛАЮ!

— Да, но все-таки, — обиженно отозвался я.

— Глупая ссора, — сказала бабушка. — Я куплю тебе конфет, Сигге.

Мы посмотрели на прозрачный контейнер, доверху наполненный драже всех цветов радуги. Я подошел, поднял крышку и немного помешал внутри совочком. Отличить те, что подсыпала Майкен, было невозможно.

— А нельзя взять другие? — с надеждой спросил я и поглядел на бабушку.

— Ни в чем себе не отказывай, darling, — ответила бабушка, ободряюще кивнув в сторону стеллажа с конфетами, хотя была даже не суббота.

Мы с Майкен как оголтелые атаковали стеллаж и набрали как минимум по полкило. Бубу же была вполне довольна своим огуйчиком.

Короче, как я уже говорил, мы обожаем ходить в магазин с бабушкой!

Безнадежный случай

Мама познакомилась с моим биологическим папой, когда была бэкпекером и путешествовала по Австралии и Новой Зеландии. «Бэкпек» значит по-английски «рюкзак», а «быть бэкпекером» значит, что ты просто катаешься по миру с рюкзаком за плечами. Останавливаться в таком случае принято не в отелях класса люкс, а скорее в хостелах с клопами.

Мама подрабатывала официанткой в ресторане на острове, который называется Кенгуру-айленд, где и повстречала моего папу. Он там работал поваром, и она тут же в него втюрилась. У него были черные кудри до плеч и нереально красивые глаза. Мама говорит, что у меня точь-в-точь такие же.

Они провели вместе ровно семь недель, а потом маме пора было возвращаться в Швецию.

Когда она сошла с самолета, ее начало выворачивать наизнанку. Настоящие фонтаны, каскады рвоты. Она сперва подумала, что отравилась, но через несколько дней непрерывной тошнिलовки до нее дошло, что она беременна. Мной! И несмотря на то, что ей было всего двадцать, она сразу поняла, что хочет сохранить ребенка, хотя ни у кого из ее друзей детей еще не было.

Кроме этих сведений про глаза и кудри я знаю про папу ровно пять фактов.

1. Его зовут Джонатан Тейлор.
2. Это безнадежный случай (лично мне мама этого не говорила, но я слышал, как она обсуждала его с кем-то по телефону).
3. У него проколот язык, и сверху на сережке как будто синяя конфетка, а снизу — круглый металлический шарик.
4. Он не очень высокого роста.
5. Однажды, когда ресторан был закрыт, он приготовил маме потрясающий ужин. Она сидела на террасе с видом на море, а рядом на ветру раскачивались желтые, красные и голубые фонтарики. Он сделал цыпленка, вкуснее которого она никогда не ела (это было еще до того, как она стала вегетарианкой), а на десерт — яблочный пай. Кусочками яблока он выложил на паше ее имя — Ханна, а вокруг все украсил сердечками. Так что, кажется, он тоже был в нее довольно сильно влюблен.

Я знаю, что папа знает о моем существовании, но он никогда не пытался со мной познакомиться. Сейчас он живет на другом конце света, так что видется каждую вторую неделю как бы не очень удобно, но вполне можно было бы звонить друг другу по скайпу, писать мейлы, ну, и всякое такое. Но он никогда этого не делал. Мама говорит, расстраиваться не стоит. У нее любви столько, что девать некуда. Она легко может любить за двоих родителей и больше.

Моя учительница однажды сказала: нельзя скучать по тому, чего у тебя никогда не было. Она рассказывала, что росла без мамы. Та умерла, когда она была совсем маленькой. Но про себя я сразу понял: это вообще не так. Лично я скучаю по папе. Вернее, может, не прямо по моему папе, ведь я не знаю, какой он (кроме этих пяти фактов то есть). Но мне бы хотелось иметь хоть какого-то папу. Конечно, у нас был Сведрик, но это не то же самое. У него не такие глаза. Мы с ним вообще ничем не похожи.

Может я ошибаюсь, но иногда я думаю, что у меня бы не было таких проблем с друзьями, если бы я рос с папой. Может, я бы не чувствовал себя таким странным? Таким неклевым. Может, он бы научил меня, как надо? Может быть.

Рай и чучело выдры

Мама говорила, что переезд к бабушке — вынужденная мера, а на мой взгляд, нам несказанно

повезло и мы оказались просто в раю! И нашим животным так тоже гораздо лучше. Эйнштейну есть где побегать, Тарзану и Фрассе досталась куда более просторная клетка, а черепаха Каролина поселилась на улице в загончике, который бабушка сколотила как раз к нашему приезду. Загончик был два на два метра и без пола, так что Каролина могла ходить босиком, своими маленькими черепашьими ножками, прямо по траве.

Я не сомневался, что Майкен и Бубу тоже рады переезду, хотя, возможно, в Стокгольме они не страдали так, как страдал я. Кроме того, что бабушка покупала нам любую еду, какую мы ни попросим, все были дико счастливы, что у каждого теперь есть своя комната. В Стокгольме Бубу спала в одной комнате с мамой и Сведриком, а я — с Майкен. Мы поставили посередине книжный стеллаж. Мне это не нравилось.

Майкен восемь лет, то есть она на четыре года меня младше. К тому же она всегда приводила домой друзей, и, когда они все набивались в нашу комнату, у меня даже думать не получалось. Майкен разговаривает АДСКИ громко. Ее стокгольмские друзья тоже, хотя на самом деле, мне кажется, это оттого, что они пытаются ее перекричать. Когда я встречал их отдельно от Майкен, они говорили совершенно нормально.

Однажды, когда Майкен была маленькая, мама пошла с ней к доктору. Педагоги в детском саду волновались, что она глухая или вроде того,

потому что она не только дико громко говорила, но и явно плохо слышала. Но после проверки доктор сказал, что у нее слух как у кита. Потому что киты вроде как могут слышать звуки с другой стороны Атлантического океана. Я полагаю, тут доктор немного загнул, но Майкен действительно слышит шуршание пакета с булочками через много комнат. Это у нее такая суперспособность. Сама она утверждает, что «ЭТО ТОЛЬКО КОГДА УЧИТЕЛЯ КО МНЕ ОБРАЩАЮТСЯ, Я КАК БЫ НЕ ОЧЕНЬ ХОРОШО СЛЫШУ».

Если голос Майкен, как говорит бабушка, пробирается до мозга костей, с Бубу все наоборот. Она вообще почти не разговаривает. Она знает слов тридцать-сорок, не больше. Самые расхожие — огуйчик, хей-хей, не-не, мама, Сигге, Майе (Майкен), сё (то есть «всё» — так она кричит, когда покакает). Еще она знает довольно много названий животных, это ее главное увлечение. После огуйчика. Но хоть разговаривать Бубу особо не умеет, жизнью она вполне довольна. А вот мама нет. Мама беспокоится, что Бубу «отстает в развитии».

В Стокгольме Бубу занималась с тетенькой-логопедом. Бубу это обожала, потому что тетенька показывала ей большие бархатные буквы, похожие на плюшевых зверей, с глазами, ртами и всем, чем только можно, а сама при этом издавала всякие смешные звуки. Предполагалось, наверно, что Бубу будет их повторять. Бубу не

повторяла. Но хорошо хоть, она понимает, что ей говорят. Я из детей единственный нормальный по части речи, можно сказать. Хорошо быть нормальным хотя бы в одной области.

Короче. Я отвлекся. С тех пор как три или четыре года назад умер дедушка, бабушка содержит небольшой отель. The Royal Grand Golden Hotel Skärblaska, как он теперь называется. В основном у нее останавливались немецкие туристы, но с тех пор как мы сюда переехали, отель пришлось закрыть.

Из постояльцев остался только Крилле Безе. Но он сам стелет свою кровать, сам готовит себе завтрак и все такое. Крилле Безе — очень высокий и очень худощавый мужчина. Он стильно одевается и обожает рассказывать сценарии своих будущих фильмов. Когда бы ты его ни встретил, у него всегда есть наготове новый сценарий. Все они одинаково... как бы это сказать... необычные. Первые сорок семь я выслушал с интересом. Теперь, честно говоря, я немного подустал. Жаль, что я такой вежливый. Мама не такая. Она сразу его перебивает: «Кристер, хватит». (Кристер — это его полное имя.) Сам я все время придумываю какие-то отмазы типа: «Мне надо... э-э, снять белье», но кончается все тем, что я снимаю белье, а Крилле Безе стоит рядом и разглагольствует. Очевидно, мне стоит сменить тактику.

Короче. Бабушка обставила все комнаты «в стиле пятидесятых». Это стиль, который был

в моде в пятидесятые годы, когда бабушка была маленькой. В комнате, доставшейся Бубу, стоит джукбокс. Это такой аппарат, который, если опустить в него монетку, проигрывает пластинки. Вроде веб-плеера, типа Spotify, но с настоящими виниловыми пластинками. И слушать можно только песни пятидесятых и шестидесятых годов. В комнате Майкен стоит старый кока-кольный автомат — правда, пустой. Но в субботу Майкен купила и зарядила в него пять стеклянных бутылочек с кока-колой. Нам с Бубу досталась одна бутылка на двоих, остальные четыре Майкен выпила сама. Потом весь вечер она ходила и рыгала. Как вы, наверно, догадались, рыгать Майкен тоже может очень громко.

Но мне повезло больше всех: в моей комнате есть пинбол! Он называется «Фру Фортуна», и я его просто обожаю! Поиграть стоит одну крону, но это кроны старого образца, и у бабушки рядом с автоматом стоит специальная баночка с монетами, которые можно использовать. А когда они кончаются, просто открываешь маленькую дверцу в низу автомата, вынимаешь деньги и кладешь их обратно в баночку. Ну вы поняли, да?! Это действительно все равно что очутиться в раю!

Про рай мама не совсем со мной согласна. Кроме того, что она ненавидит сигаретный дым, который вечно висит вокруг бабушки серым облаком, ей еще не нравится, что у бабушки слишком много вещей. Больше всего маму раздражают:

электрическое кресло-каталка (на котором ездил дедушка до своей смерти), большая статуя толстого Будды из зеленого мрамора, часы (как минимум одни в каждой комнате), которые каждый час проигрывают небольшую мелодию, и высоченные кипы книг. Но больше всего маму раздражают расставленные по всему дому чучела животных. Лисы, вороны, кролики, россомахи, ласки, белки, норки — кого тут только нет! Есть даже целая зебра, которая стоит на красном персидском ковре в прихожей около лестницы на второй этаж. Бабушка вешает на нее одежду, шляпы и поводок Эйнштейна. Бабушка коллекционирует чучела. Иногда может показаться, будто на тебя кто-то смотрит. Обернешься, а с комода глазееет какая-нибудь выдра.

Но одно, я знаю, маме очень даже нравится. Это то, что мы можем жить тут бесплатно. «Только это временно», — решительно говорит она. Пока она не найдет работу и не снимет квартиру. Я надеюсь, что это произойдет очень скоро.

55 ДНЕЙ

ТРИ ЗАМОРОЖЕННЫЕ СОСИСКИ ЗА МИНУТУ

Мы прожили у бабушки ровно пятнадцать дней, а Майкен уже нашла себе друга. Я не понимаю, как это у нее получается. Не помню, чтобы мне хоть когда-нибудь так везло. У Майкен, похоже, есть какое-то волшебное чувство, что можно говорить, а что говорить нельзя. Но как она это понимает? Ведь она не то чтобы всегда очень милая. Если честно, она бывает довольно высокомерной. Как, например, сегодня утром. Она просто стояла у почтового ящика, пялясь в одну точку, и жевала жвачку, когда рядом нарисовался парень в плюшевом костюме енота, который, наверно, был совсем сумасшедший, потому что на улице было двадцать семь градусов в тени, и они начали болтать. А теперь они уже играют! Или не знаю, как это назвать. Короче, носятся по саду и орут.

Когда они познакомились, я сидел в сиреновой беседке (это как маленькая комната в саду, окруженная кустами сирени) и делал набросок своего изобретения, так что я мог записать все, что они говорили. Исследователь внутри меня понимал, как важно действовать методично, чтобы потом все тщательно проанализировать.